

ГЛАВА 3. ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

Чан Я поспешно спрятал руки за спину, настороженно глядя на шайку задир.

Возглавлял их Фу Лоу — заправила городка Сяшуй из зажиточной семьи. Крепкий, рослый, он всегда держал при себе ораву прихлебателей, перед которыми любил щегольнуть силой. Их любимой забавой было изводить Чан Я. Тот слишком отличался от остальных детей: не ходил в школу, держался особняком, да еще и страдал от своей странной «болезни». В глазах Фу Лоу и его дружков Чан Я, способный видеть насквозь человеческие души, был настоящим маленьким монстром — жутким и пугающим.

Не давая мальчишке опомниться, Фу Лоу резко взмахнул рукой. Зажатый в ладони камень со свистом рассек воздух и угодил Чан Я в лоб, чуть выше левого глаза. Промахнись задира на палец — и тот лишился бы зрения. Удар был сильным, а камень — острым. От резкой боли у Чан Я брызнули слезы, но он упрямо сглотнул их, не позволяя себе разрыдаться. Он мимоходом мазнул по лбу рукавом, стирая выступившую кровь.

Увидев, как жалок его противник, Фу Лоу залился издевательским хохотом и разочарованно цыкнул:

— Эх, прицел сегодня сбоят. А то я бы даром украсил рожу этому уроду еще одной отметиной. Слепому монстру и имя подходящее — чучело! Ха-ха-ха!

Окружившие его мальчишки дружно заулюлюкали, подхватывая насмешку.

— Господин Лоу — красавчик!

— Смотрите, этот выродок сейчас обмочится от страха!

— Эй, слепец! Катись к своему деду и реви там в тряпочку! Мы подождем!

Чан Я дрожал от ярости, но бросаться в драку не смел. Стоит ему полезть вперед — и лекарства, и новая одежда, купленная для Цэнь Сяолу, тут же окажутся в руках этих прохвостов. Стиснув зубы, он бросил на них полный ненависти взгляд и бросился наутек.

— Стоять!

— А ну вернись, хуже будет!

Вслед ему полетела брань и град камней. Чан Я пошатнулся, когда тяжелые голыши больно ударили в спину и затылок, но даже не подумал закрыть голову руками. Он крепко прижимал к груди сверток с вещами. За спиной уже слышался топот — нужно было срочно оторваться.

Юркий и легкий, Чан Я нырнул в узкий переулок. Убедившись, что преследователи еще не показались за углом, он изо всех сил перебросил лекарства и одежду через невысокую стену, а затем, уцепившись за кладку, в несколько движений перемахнул на ту сторону.

Едва он спрыгнул, как по ту сторону стены, в переулке, пронеслась толпа мальчишек. Чан Я замер у подножия стены, обхватив колени руками и затаив дыхание. Лишь когда топот окончательно затих, он осторожно подобрал свои узлы и поднялся.

Место, куда он запрыгнул в спешке, оказалось заброшенным двором. Здесь всё заросло сорной травой, двери дома зияли пустотой, а под карнизами и на колоннах висела густая, серая от пыли паутина. Чан Я поежился от невольной жути и поспешил выбраться обратно на улицу, пока Фу Лоу и его банда не сообразили, куда он делся.

До дома он добежал, задыхаясь и спотыкаясь, и только за родным порогом смог наконец перевести дух.

Чан Фулянь как раз выходил из комнаты. Увидев внука в таком растрепанном виде, он нахмурился:

— Я-эр, что случилось?

Заметив сочащуюся кровью рану на лбу мальчика, лекарь встревожился не на шутку:

— Кто тебя так? Обидел кто-то?

Чан Я поспешно прикрыл лоб ладонью и вымученно улыбнулся, покачав головой:

— Нет, дедушка. Просто я так торопился домой, чтобы поскорее заварить лекарство, что споткнулся и расшибся.

Он никогда не жаловался на выходки местных задир, не желая волновать старика.

— Что ж ты так неосторожен... — с укором проворчал Чан Фулянь. — Взрослый уже, а всё как ребенок, вечно летишь сломя голову.

— Я исправлюсь, честное слово, — заискивающе улыбнулся Чан Я. — Дедушка, а как там Цэнь Сяолу? Ему лучше?

— Пропотел хорошенько, жар спал. Приходил в себя ненадолго, но сейчас снова забылся сном.

— Тогда я пойду приготовлю отвар.

Чан Фулянь кивнул, но когда внук уже направился к кухне, окликнул его:

— Я-эр, сначала рану обработай.

Мальчик послушно отозвался, отнес лекарства на кухню и, набрав воды, аккуратно промыл ссадину. Он привык обходиться малым: главное — остановить кровь. Прижав к ране чистое полотенце, он подождал, пока пятно перестанет расплываться по ткани.

Покончив с этим, Чан Я прокрался в комнату к Цэнь Сяолу. Тот лежал неподвижно, к лицу вернулась естественная бледность, сменив болезненный багрянец. Дыхание стало ровным, а вечно нахмуренные брови наконец разгладились. Чан Я немного полюбовался его спокойным лицом, положил сверток с новой одеждой в ногах кровати и тихо вышел.

Снадобье, которое прописал Божественный лекарь Тань, нужно было менять раз в день в течение декады. Внутренний же отвар полагалось пить по чашке утром и вечером, а по мере выздоровления — по одной чашке в день в течение полумесяца. Чан Я принялся за дело.

Час спустя, когда отвар был готов, он вернулся в комнату. Гость еще спал, и Чан Я поставил дымящуюся чашку на стол — пусть немного остынет.

Устроившись на краю постели, он задумался. До сих пор в этом доме были только они с дедушкой, а теперь появится кто-то третий. Чан Я еще не понимал, как к этому относиться, но любопытство явно брало верх.

Пока он витал в облаках, Цэнь Сяолу внезапно открыл глаза. Увидев этот взгляд, Чан Я невольно вздрогнул и рефлексивно схватился за горло.

Сяолу окинул его безразличным взором, отвернулся и негромко закашлялся, прикрыв рот рукой.

— Ты как? — Чан Я подался вперед, заглядывая ему в лицо. Но как только кашель утих и Сяолу повернулся обратно, мальчик тут же отпрянул на прежнее место, продолжая судорожно сжимать шею.

— Ты ведь больше не будешь меня душить? — опасливо спросил он.

— С чего бы мне это делать? — отозвался Сяолу.

Чан Я шумно выдохнул, чувствуя, как гора свалилась с плеч, и наконец опустил руки.

— Ну... я испугался, что ты меня снова не узнал.

Цэнь Сяолу заметил на смуглой коже мальчика едва заметные багровые следы — они выглядели чужеродно и пугающе.

— Прости...

— Я тебе лекарство принес! — Чан Я перебил его, не дав закончить фразу.

Он подошел к столу, взял чашку и, аккуратно подув на ложку, поднес ее к губам больного.

— Божественный лекарь Тань велел пить по две порции в день. Я запомнил всё: и сколько томить, и сколько наливать. Буду сам варить тебе утром и вечером. Только пей вовремя, и мигом на ноги встанешь.

Цэнь Сяолу посмотрел в глаза Чан Я. В них не было ничего, кроме искреннего, детского радушия. В этих чистых омуты Сяолу отчетливо видел собственное отражение. Он опустил веки и прильнул к ложке. Отвар был невыносимо горьким, но он даже не поморщился.

Чан Я терпеливо скармливал ему лекарство порция за порцией, приговаривая:

— Знаю, гадость редкостная. Ты потерпи, дедушка говорит, что горькое лучше всего лечит. У нас на кухне есть цукаты, я сейчас принесу, сладостью горечь перебьем.

Вскоре на дне чашки ничего не осталось.

Поставив пустую посуду на стол, Чан Я аккуратно вытер губы Сяолу сухим полотенцем. Закончив, он с энтузиазмом подбежал к изножью кровати — ему не терпелось показать обновку и узнать, нравится ли она старшему брату.

В этот момент в комнату вошел Чан Фулянь.

— Сяолу, проснулся?

— Да, только что.

Сяолу попытался приподняться, но лекарь жестом велел ему оставаться в постели.

— Лекарство выпил? — старик заметил пустую чашку. — Как себя чувствуешь? Получше?

— Благодарю за заботу, наставник. Мне гораздо лучше.

Чан Фулянь удовлетворенно кивнул:

— Вот и славно. Отдыхай.

Затем он повернулся к внуку:

— Я-эр.

— Дедушка, а я... — Чан Я хотел было похвастаться одеждой, но дед перебил его:

— Я-эр, ты уроки на сегодня сделал?

Хоть Чан Я и не посещал школу вместе с детьми городка Сяшуй, дедушка строго следил за его образованием: он сам учил его читать, писать и считать.

Мальчик виновато опустил голову:

— Еще нет.

Не дожидаясь продолжения нотации, он покорно сложил вещи, забрал пустую чашку и тихо выскользнул из комнаты.

Приведя посуду в порядок, он заперся у себя и принялся за учебу. Однако, едва начав нараспев заучивать текст из книги, он вдруг вспомнил, что так и не принес Сяолу сладости. «Наверное, у него во рту до сих пор эта горечь стоит», — подумал он и, отложив свиток, поспешил на кухню.

Заветная банка с цукатами стояла на самом верху посудного шкафа. Подставив табуретку, Чан Я на цыпочках дотянулся до глиняного горшка, выудил одну сочную сладость и аккуратно закрыл крышку.

С зажатым в кулаке лакомством он подошел к комнате Сяолу. Осторожно приоткрыв дверь, он заглянул внутрь, проверяя, ушел ли дедушка. Но старик был всё еще там. Цэнь Сяолу теперь лежал на животе, одеяло сползло до поясницы, обнажая широкую спину, а дедушка сосредоточенно менял ему повязки с мазью.

Глядя на эту сцену, Чан Я обиженно выпятил губу. В груди шевельнулось неприятное чувство — дедушка никогда не ухаживал за ним с такой нежностью. От этой мысли заныл расшибленный лоб, а следом отозвались болью и спина, и затылок — все места, куда угодили камни Фу Лоу. Он коснулся пальцами лба: там уже вздулась приличная шишка. Малейшее прикосновение заставило его зашипеть от боли.

Чан Я посмотрел на цукат в своей руке, и на душе стало совсем тоскливо. Заходить сейчас нельзя — дед наверняка отругает за то, что бросил уроки.

Он уже собирался тихо притворить дверь, как вдруг заметил на прикроватном столике косточку от финика. Когда он уходил, ее там не было. Значит, дедушка сам угостил его.

Обида захлестнула Чан Я с головой. Он сердито фыркнул, закрыл дверь и, надувшись, сам съел цукат, предназначавшийся для Сяолу. В конце концов, тому он больше не требовался.

Лишь к ужину Чан Я закончил с уроками и вышел из своей комнаты. На столе стояла его порция еды, прикрытая тарелкой. Дедушка всё еще был у Сяолу — должно быть, решил поужинать вместе с ним. В одиночестве, не чувствуя вкуса еды, Чан Я расправился с ужином, вымыл посуду и ушел к себе.

Около девяти вечера, когда он уже собирался ложиться, в дверь негромко постучали. Сердце радостно подпрыгнуло: Чан Я решил, что это дедушка пришел пожелать ему доброй ночи. Но на пороге стоял совсем другой гость.

— Ты? Зачем пришел? — удивился Чан Я, глядя на бледного, осунувшегося Цэнь Сяолу. Тот выглядел еще очень слабым.

Сяолу промолчал, лишь выразительно взглянул внутрь комнаты. Чан Я, хоть и без особого восторга, посторонился, пропуская его. В конце концов, нежеже спорить с больным.

Войдя, Сяолу притворил за собой дверь. Он бегло осмотрел жилище мальчика: всё почти как у него, только на столе горой громоздились книги, кисти и тушечницы, а у кровати на тумбе лежало множество свитков и исписанных листков бумаги.

Чан Я замер, скрестив руки на груди и вопросительно приподняв бровь.

Сяолу повернулся к нему и выудил из рукава небольшой сверток из промасленной бумаги.

— Что это? — не понял Чан Я.

— Мазь, — коротко бросил Сяолу.

Он развернул бумагу, зачерпнул пальцем немного белой густой массы и, мягко отведя в сторону прядь волос на лбу мальчика, нанес снадобье на рану.

Чан Я почувствовал, как по воспаленной коже разливается живительная прохлада.

— Так заживет быстрее. И отек спадет, — Сяолу убрал руку, аккуратно завернул остатки мази и вложил их в ладонь Чан Я.

На самом деле он заметил рану еще днем, едва открыв глаза. Тогда он хотел спросить, что случилось, но слова застряли в горле. Они были почти незнакомцами, и расспросы могли показаться назойливыми. Проще и правильнее было прийти с лекарством.

Чан Я сжал в кулаке сверток, не зная, как реагировать. Он-то еще злился, считая гостя виновником своего плохого настроения, а тот пришел лечить его. Это что же... попытка помириться?

— Угу, — только и смог выдавить он, смущенно отведя взгляд.

Сказать больше было нечего, да и цель визита была достигнута. Сяолу уже повернулся к выходу, но у самой двери помедлил и, после недолгой заминки, всё же спросил:

— Ты... ты ведь так и не принес мне цукат.

Чан Я, чье сердце только-только начало оттаивать, мгновенно вспыхнул:

— Как это не принес?! Принес я! — буркнул он, пряча глаза.

Сяолу вовсе не собирался выпрашивать сладости, просто слова мальчика о цукатах прочно засели у него в голове, и он невольно их ждал.

<http://bllate.org/book/17545/1708374>